

Два крупных российских издательства – московский «Вагриус» и екатеринбургская «У-Фактория» – одновременно издали собрания сочинений Василия Шукшина. Это только кажется странным, а на самом деле – самое оно. Я вообще ожидаю (и отчасти уже дождался) повального возрождения эстетики семидесятых.

ШИРЕ ШАГ, МАЭСТРО

ВОЗВРАЩЕНИЕ СЕМИДЕСЯТЫХ

ДМИТРИЙ БЫКОВ

ШЕСТИДЕСЯТЫЕ у нас в куцем виде повторились во время перестройки, но если после XX съезда на волю хлынуло то хорошее, что еще оставалось в душе советского человека, то после XXVII попер зловонный поток подпольных комплексов и блатных представлений. Зато застой наш – именно по этой причине – выглядит благороднее застоя семидесятых. Однако типологически они очень близки: та же скука на поверхности, то же бурное движение внутри. Движение мысли, искусства, душевной жизни. У нас уже появились хорошие новые писатели, зреет и кино, очень похоже на фильмы Райзмана и Абдрашитова (да и сам Абдрашитов снял «Магнитные бури» – явно не худшую свою картину). В общем, семидесятничество опять востребовано: «Я – рыба глубоководная», – говорил о себе Андрей Тарковский. Сегодня этих глубоководных рыб, задохнувшихся в тех временах, но только в их прессинге и представимых, – открывают заново. Все мои друзья вдруг – как собака на целенную траву – кинулись перечитывать Трифонову. По всем FM-станциям хрипит Высоцкий.

Время Шукшина настало именно потому, что из всех семидесятников он самый усвоенный: проза сценарная, почти как у Нилина. Много диалога, портреты резкие и характерные. Юмора хватает, очень злого. И тоска, иногда острая, как в «Мастере», иногда тупая – как в «Шире шаг, маэстро».

Потом, я уверен, начнут перечитывать и Тендрякова, и тогдашнего (доперестроечного) Астафьева, и раннего Распутина.

У НАС БЫЛА СИЛЬНАЯ ПРОЗА – и городская, и деревенская, так что я не совсем согласен с Пьецухом, считавшим, что Шукшин, мол, был последним великим русским прозаиком. Он не был даже первым среди равных – ни Нагибин, ни Аксенов ничуть ему не уступали. Правда, каждый брал своим: Нагибин – изобразительностью, Аксенов – изобретательностью. Шукшин на их фоне выделяется другим – и именно поэтому его сейчас стали издавать, да и как еще успешно (все раскупается).

У нас в семидесятые была довольно тоскливая, печальная литература. Иногда драматически-мрачная, как повести Тендрякова, иногда лирически-грустная, как рассказы Юрия Казакова. А вот Шукшин, при всей своей тоске, – это на редкость оптимистическое явление. «Жизнь – она большая, все в ней есть», – сказано у него в одном романе. И действительно – все. То есть наличествуют и тоска, и водка, и удушение всего сколько-нибудь симпатичного... а все-таки есть какой-то неиссякаемый резерв. Сила. Такой силой, последним стратегическим запасом страны, – представлялись Шукшину знаменитые его «Чудики».

ЭТО ВСЕ ОБЫЧНЫЕ МУЖИКИ лет сорока, нервные, жилистые, злые. Все умеющие. Легкие и непоседливые. Страшные в приступах пьяной злобы, трогательные в таких же приступах любви и сострадания. Если и попадет у Шукшина герой-красавец, «Сураз», – он обязательно ущербен в чем-то другом, все у него не ладится, и лазают он по ночам к самым худым и некрасивым бабам, чтобы их

утешить. А так красавцев мало – все больше какие-то воробы, хилые водители, слесари, обитатели городских окраин, командировочные, колхозники... У Шукшина почти всегда неважно – про колхоз он пишет или про областной центр; у него нет задачи написать специально о крестьянстве или о рабочем классе, отметить-ся галочкой, выполнить социальный заказ. И работа героев у него почти всегда второстепенна, рутинна – интересно только то, что они делают для себя: вечный двигатель, реставрация заброшенной церкви... Есть серый фон нормальной жизни, фон этот прописан точно и умело, но без дотошности. Так – чтобы узнавалось. И на этом фоне «живет и ярко действует», как усмеяется рассказчик, типичный такой городской чудик – то есть человек, которому чего-то надо.

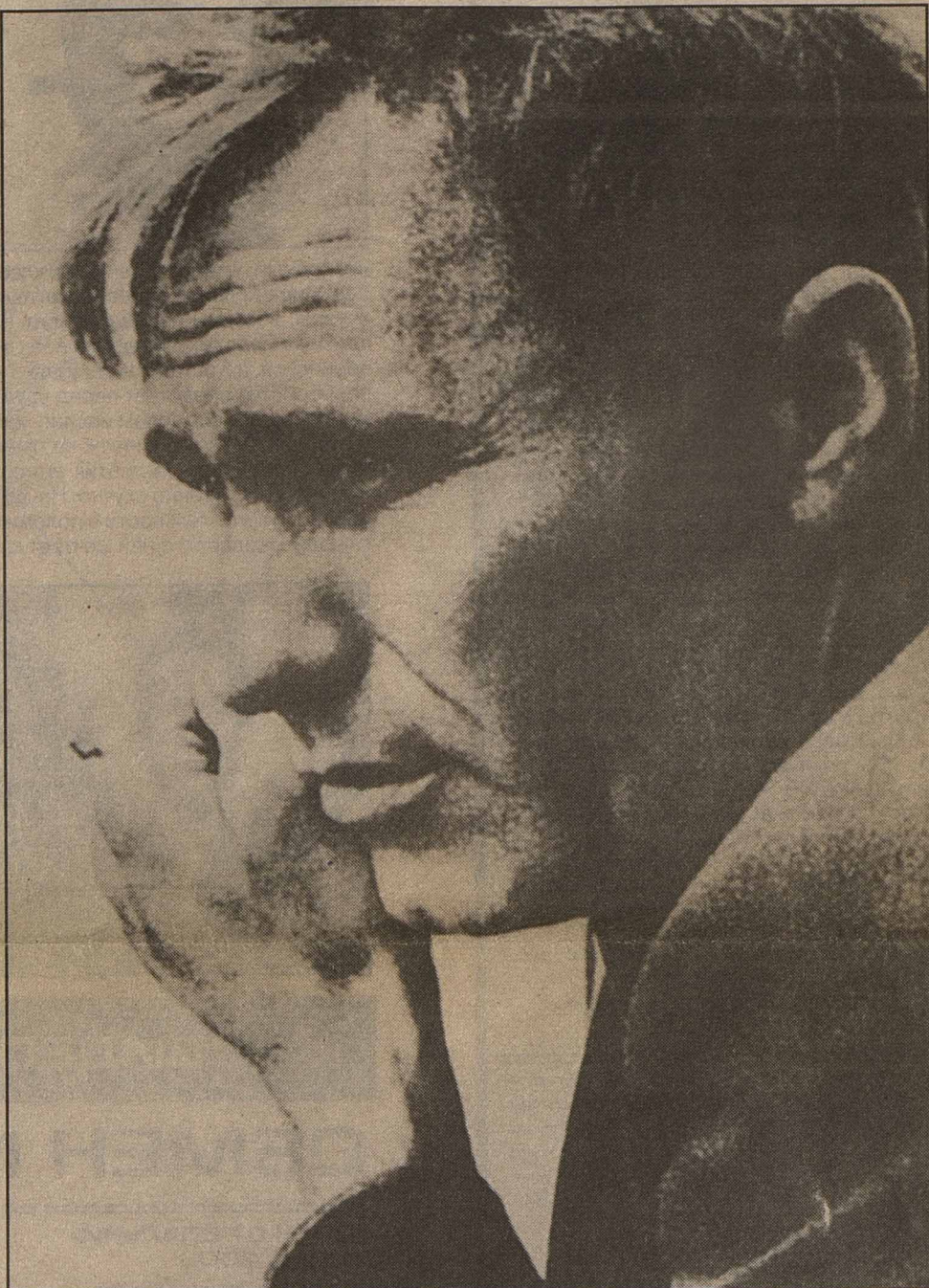
Вот это «чего-то надо» и есть определяющая черта шукшинского героя: он не удовлетворяется жизнью, которую видит вокруг, и в нем сидит фантастический запал, задор – сделать нечто, дабы эта жизнь взорвалась, развернулась иначе. Чужачества его бывают опасны, хотя чаще всего безобидны: ну, напугать злого крючкотвора, чуть не ухнуть вместе с ним с моста в машине («Мой зять украл машину дров»). Или построить уже упомянутый вечный двигатель, или обустроить личную жизнь беременной сестры («Други игриш и забав»), или веру обрести

(«Верую!»). Но именно это желание чего-то «сверх», чего-то «кроме» – и есть признак того, что душа народа жива, что она сохранилась, что есть нерастратенная энергия в той аморфной массе, которую мы привычно называем народом.

ВРУТ, ЧТО ШУКШИН ССОРИЛ НАРОД С ИНТЕЛЛИГЕНЦИЕЙ: в блестящем его рассказе «Срезал» как раз осужден, напоказ выставлен тип демагога, вечно рассуждающего о том, что городские «заносятся». Городские чаще всего выступают у Шукшина такими же «понимающими», и загнанными, и чего-то ищущими, как деревенские. Помните рассказ «Как зайка летал на воздушных шариках»? Помните «Калину красную» и «Печки-лавочки», где вообще нет конфликта города и деревни? Я же говорю – для него не было разницы между пролетариатом, крестьянином и интеллигентом; была разница между человеком «с искрой» – и человеком, который эту искру всеми способами норовит потушить. Жизнь и тушит ее, в конце концов... и все-таки не может истребить!

Шукшинские чудики были самыми жизнеутверждающими героями русской прозы – потому что не вписывались в свои социальные роли и вырывались из рамок ампулы. Они вообще были не советскими. Приключения юродивой, шутилой, прихотливой русской души, ее веселые чудачества, буйные помешательства и пылкие раскаяния – вот шукшинская тема; и потому все у него дышит силой. Во времена бессильные – это дорогого стоит.

КАК НОВЕЛЛИСТ он был, конечно, безупречен: резкий, стремительный сюжет, диа-

лог без единого лишнего слова, предельно естественный, желчный, сжатый; персонаж дается двумя-тремя словами. В больнице наглый хохмач заставляет несчастного придурка съесть сигарету и, хохоча, об этом рассказывает: три фразы – все, готов хохмач, выписан и припечатан. Необходимейшее для новеллиста искусство – найти типичную, для каждого узнаваемую ситуацию; все, о чем пишет Шукшин, с нами или нашими знакомыми бывало, или рассказывали. И все это вроде бы – самый настоящий быт; но быт не такой, как у Петрушевской. Автор помнит о мере и такте, он производит на читателя впечатление не тем, что колотит его ниже пояса, не тем, что сует головой в унитаз или в коммунальный суп, а тем, что умеет на фоне этого быта найти и выписать то

единственное, что составляет предмет искусства. То есть жизнь души. Поздняя Петрушевская этого не видит вовсе, она все мстит мирозданию и человечеству за физиологию людей, за их болезни и смертность, за их бедность и склонность... И все это время любит себя, чего скрыть не умеет. Шукшин собой не только не любит – он вообще прячется. Автора слышишь – но не видишь, словно попутчик в плацкарте ночью, в темноте, рассказывает свою жизнь единственно верными и точными словами.

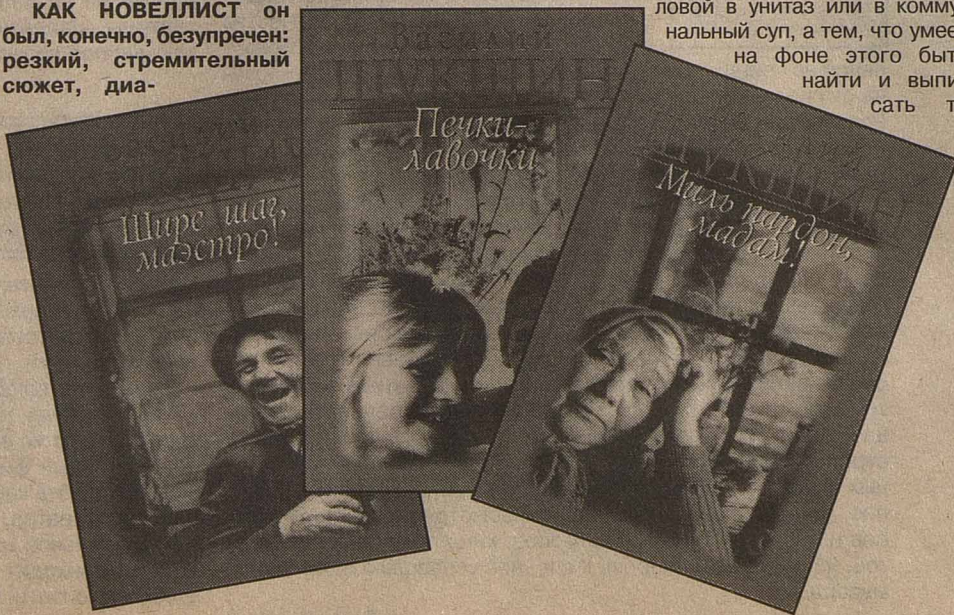
ПРО ЧТО ШУКШИН? Леонид Филатов любит повторять замечательную формулу Бердяева: Бог есть, потому что мир этически недостаточен. Без Бога – как объяснить постоянное желание человека прорваться за границы быта, времени, инстинкта самосохранения? Есть что-то большее, чем мир, что-то другое. Все рассказы Шукшина – об этом: о том, как порывается и бьется русская душа, крыльями метет по земле, разбегается, падает. Иногда взлетает, чаще не летит.

Но то, что она видит небо и туда стремится, то, что не ограничивается видимым миром, то, что вечно чудачествует, странствует, влюбляется и, по-стругацки говоря, «пренебрегает достижимым», – это и есть Шукшин, это его неиссякаемая сила. Мускулы настоящего рассказчика – и душа настоящего уроженца непутевой, но великой страны.

Вот за этот-то порыв его и любят; а раз есть кому его любить – стало быть, жив и его герой. И страна, которая его породила. С этим мы не один еще застой переживем. Даже в самом страшном его рассказе – «Охота жить» – столько этой самой охоты, звериной страсти... Современному человеку жить чаще всего не хочется вовсе.

Ничего, бывает. Почитает Шукшина – захочет. ■

Трехтомник Василия Шукшина, только что вышедший в издательстве «Вагриус», – это практически полный свод его рассказов, а также три киноповести, по которым были сняты лучшие шукшинские фильмы: «Живет такой парень», «Печки-лавочки» и «Калина красная».

Шукшин Василий
5.06.2003